

Мазинов А.С.

УДК 811.2

**ИНДОЕВРОПЕЙСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ В ФОРМИРОВАНИИ
АВТОХТОННЫХ ЯЗЫКОВ КРЫМА**

Проблемы происхождения и формирования народов, их языков и культуры сложны, многосторонни и требуют комплексного, системного изучения. Необходимость такого исследования отмечалась в наших работах [10 – 12].

Стараниями современных специалистов (прежде всего историков, этнографов, археологов, филологов) по истории и культуре крымскотатарского и других тюркских и тюркоязычных народов Крыма осуществляются новые исследования, которые ценны уже в силу того, что большую часть XX столетия эти проблемы не изучались вообще, или исследовались частично, и часто искажались в угоду интересам империи [7, 9].

Публикации современных авторов по данной проблеме менее политизированы, более научны, нежели они были в советские времена. Расширились границы исследования, так как были сняты ограничения, существовавшие в советский период [4, 8, 19]. Поэтому предпринятая нами подобная попытка исследования истории развития и контактов тюркских языков Крыма, раскрывающая новые аспекты исследуемой проблемы, весьма **актуальна**.

Как уже отмечалось в наших статьях, великое переселение народов положило начало более чем тысячелетнему движению двух встречных суперэтнических потоков (тюркского и индоевропейского), которые в течение этого промежутка времени как два океанских течения двигались навстречу друг другу, сталкивались, меняли направление, смешивались в Восточной Европе. В полосе соприкосновения европейских и азиатских суперэтнических образований (славянских и тюркских, византийских и тюркских) появлялись новые народы и языки. Условная евразийская линия соприкосновения этносов (и соответствующая ей языковая контактная зона), может быть меридионально прочерчена от Москвы до Стамбула. Она порождает новые народы, государства и обслуживающие их языки.

Период с V по XII век – время прохождения с Востока на Запад многочисленных волн тюркских народов, каждая из которых в той или иной степени повлияла на формирование современных тюркских языков Северного Кавказа и Крыма. Чуть раньше, достигая максимума во II – III вв. н.э., начинается движение европейских народов, носителей индоевропейских языков, на восток. Это переселение также оказало влияние на современные языки региона. Взаимовлияние индоевропейских и тюркских языков, в Восточной Европе привело к доминированию на юге тюркских языков, на севере региона – славянских.

На Крымском полуострове в разное время сложились пять тюркских в своей основе языков: крымчакский, караимский, урумский, армяно-кыпчакский и крымскотатарский. Близкие по грамматической структуре и незначительно различающиеся по лексическому составу, они при общем рассмотрении могут быть восприняты как единый крымский язык с его диалектами. В первой половине XX века крымчакский язык рассматривался как диалект крымскотатарского языка [3, с. 4]. Критерии выделения отдельных языков в описываемом регионе до сих пор не определены.

Разнообразие этнических истоков тюркоязычных народов Крыма предполагает разнообразие языкового материала в сегодняшнем языковом поле региона. Но в XX веке стабильно существует языковая ситуация, сложившаяся приблизительно к 16-17 веку. Она прямо противоположна исходному состоянию: все тюркские языки достаточно близки. При этом диалекты отдельных языков (например, крымскотатарского и караимского, урумского) в высокой степени совпадают. Исторически каждому из вышеуказанных языков предшествует какой-либо общинный язык региона. Так, крымчакскому языку, вероятно, предшествует иврит, караимскому языку – (по одной из версий) язык Хазарского коганата, армяно-кыпчакскому – язык армянской диаспоры, вступивший в контакт с тюркскими языками Крыма, урумскому языку – язык княжества Феодоро, в основе своей готский и аланский, подверженный влиянию греческого и различных тюркских языков.

Крымскотатарский язык, имеющий наиболее широкую этническую базу, формируется как язык имперский и вбирает в себя все составляющие Крымского полуострова. При этом сохраняется доминирующая роль западнокыпчакского языка половецких племен, составивших основу современного крымскотатарского народа. Поле крымскотатарского языка наиболее разнообразно, и включает в себя как собственно кипчакские (восточные и западные) и огузские, так и караимские, крымчакские, урумские и ромейские элементы. Индоевропейская компонента данного языка описана в трудах Меметова А.М. [13 – 15]. Она в наибольшей степени проявляется в южнобережном диалекте в виде греческих и итальянских заимствований, и во всех диалектах в виде иранизмов.

Крымчакский язык, как один из автохтонных языков Крыма, уже в XI – XII веках определенно описывается как тюркский. Появление крымчаков на полуострове датируют временем рассеяния иудеев. Как и в других регионах Евразии, иудеи принимают язык доминирующих в регионе племен (в данной ситуации тюркских), сохранив при этом кофессиональное своеобразие. Расселившись в разных городах Крыма, они восприняли особенности местной речи и культуры. На сегодняшний день существующие текстовые материалы по крымчакскому языку в плане фонетики, морфологии, лексического состава в высокой степени совпадают с крымскотатарским языком [18]. Индоевропейская составляющая этого языка, на наш взгляд, будет различаться в зависимости от места расположения отдельных общин и сходна с крымскотатарскими диалектами и говорами.

Отличительные черты караимского языка, вероятно, совпадают с особенностями диалектов азербайджанского и чувашского языков, соотносимых с хазарским языком [17]. Но длительные контакты с различными кыпчакскими языками и диалектами привели к нивелированию, стиранию этих отличительных черт. Существование на территории Крымского полуострова нескольких говоров караимского языка свидетельствует о различных путях его развития при влиянии нескольких тюркских языков или диалектов, параллельное развитие с крымскотатарским, урумским и другими языками Крыма. Сопоставляя языки Крыма, К.М. Мусаев в работе «Лексика тюркских языков в сравнительном освещении» указывал: «В отличие от караимского языка в крымскотатарском не отмечено влияние греческого языка, поэтому вполне возможна гипотеза о том, что караимы жили в Крыму задолго до появления крымских татар» [16, с. 31]. Правда, выше автор оговорил: «Эта группа (западнокыпчакская. – А.М.) относится к числу малоизученных тюркских языков» [16, с. 7]. Проведенное нами исследование показало, что в югобережных говорах крымскотатарского языка грецизмов больше чем в других тюркских языках Крыма.

Современный язык крымских урумов формируется с 13 – 14 вв. Ещё в 16 веке встречаются упоминания об использовании в горном Крыму готского языка. Причиной окончательного перехода населения Горного Крыма на тюркские диалекты стал, на наш взгляд, захват генуэзцами южного берега полуострова и их претензии на земли, принадлежавшие княжеству Феодоро. На этот факт указывает также М.А. Араджиони: «Мы считаем, что тюркский язык урумов есть результат ассимиляции. В пользу этого предположения говорит карта диалектов урумов в Крыму. При соотнесении их с диалектными группами крымских татар заметно, что они либо совпадают, либо тяготеют друг к другу». Оторванность от византийского мира и необходимость тесных контактов с крымским ханством, торгово-экономические отношения с Бахчисараем приводят к постепенному вытеснению готских, аланских, греческих лексем тюркскими. С переселением урумов в 18 веке, диалекты урумского языка долгие годы сохраняют своеобразие в селах, прилегающих к Мариуполю и Мелитополю. Этим, вероятно, объясняется некоторые фонетические и лексико-семантические отличия некоторых говоров крымскотатарского и урумского языка [2, с. 144; 6; 7]. Все эти факторы определяют общность индоевропейской лексики крымскотатарского и урумского языков.

Крымский вариант армяно-кыпчакского языка складывается как язык диаспоры к XI – XIII, ко времени полного доминирования половецкого языка в степной части Крыма. С уходом армянской общины в западные украинские земли, происходит отрыв армяно-кыпчакского языка от языкового поля Крымского полуострова и консервация его фонетических, морфологических и лексико-семантических характеристик. Вероятно, необходимо, изучая армяно-кыпчакское наследие, сопоставить его материалы с особенностями функционирования языка последующих волн переселявшегося в Крым армянского населения. Индоевропейская составляющая в данном случае будет определяться собственно армянской лексикой, общехристианской лексикой и словами, вошедшими во все языки Крыма из греческого, готского и итальянского языков.

Итак, все тюркские языки Крымского полуострова в большей или меньшей степени испытали влияние индоевропейских языков. В их составе индоевропейская лексика либо сохраняется от исходного индоевропейского языка-источника (армяно-кыпчакский, урумский, югобережный диалект крымскотатарского языка), либо заимствуется в результате культурных или бытовых контактов (крымчакский, караимский языки).

Источники и литература:

1. Араджиони М. А. К вопросу об этнолингвистической ситуации в Крыму в XVI–XVIII вв. / М. А. Араджиони // Записки историко-филологического товарищества А. Белецкого. – 1998. – Вып. 2. – С. 70–86.
2. Араджиони М. А. Греки Крыма и Приазовья: история изучения и историография этнической истории и культуры (80-е гг. XVIII в. – 90-е гг. XXв.) / М. А. Араджиони. – Симферополь : Изд-кий Дом «Амена», 1999. – 132 с.
3. Ачкинази И. В. Крымчаки : Историко-этнографический очерк / И. В. Ачкинази. – Симферополь : Дар, 2000. – 192 с.
4. Бахревский Е. В. Языковая ситуация в Крыму в середине 18 века : автореф. дис. ... канд. филол. наук : спец. 10.02.06. «Тюркские языки» / Е. В. Бахревский. – М., 2000. – 35 с.
5. Гаркавец А. Н. О происхождении и классификации урумских говоров Северного Приазовья / А. Н. Гаркавец // Советская тюркология. – 1981. – № 2. – С. 46–58.
6. Гаркавец А. Н. Тюркские языки на Украине (развитие структуры) / А. Н. Гаркавец. – К. : Наукова думка, 1988. – 176 с.
7. Герцен А. Г. Крымские татары / авт.-сост. : А. Г. Герцен, М. А. Араджиони // Крымские татары : хрестоматия по этнической истории и традиционной культуре. – Симферополь : Доля, 2005. – С. 8–22.
8. Driga I. M. Two Controversial Questions of History of “Small” Turkic Languages in Ukraine / I. M. Driga // *Altay Nakro. Journal of the Altaic society of Korea*. – 2008. – № 18. – P. 147–164.
9. Дюличев В. П. Рассказы по истории Крыма / В. П. Дюличев. – Симферополь : Квадранал, 2005. – 320 с.
10. Мазинов А. С. Этнические контакты и заимствованная лексика / А. С. Мазинов // Культура народов Причерноморья. – 2009. – № 155. – С. 136–139.
11. Мазинов А. С. Этнолингвистическое исследование контактных языковых зон / А. С. Мазинов // Культура народов Причерноморья. – 2009. – № 158. – С. 90–92.
12. Мазинов А. С. Проблемы этнолингвистического исследования региональных языков Крыма / А. С. Мазинов // *Uluslararası II. Türkoloji kongresi. Bildiriler*. – Kırım. – Ukraina. – 2008. – S. 692–694.

13. Меметов А. М. Источники формирования лексики крымско-татарского языка / А. М. Меметов. – Ташкент : Фан, 1988. – 110 с.
14. Меметов А. М. Иноязычные заимствования в крымскотатарском языке : материалы к спецкурсу по лексике крымскотатарского языка / А. М. Меметов. – Ташкент : Изд-во Таш ПИ, 1990. – 121 с.
15. Меметов А. М. Лексикология крымскотатарского языка / А. М. Меметов. – Симферополь : Крымское учебно-педагогич. гос. изд-во, 2000. – 288 с.
16. Мусаев К. М. Лексика тюркских языков в сравнительном освещении / К. М. Мусаев. – М. : Наука, 1975. – 360 с.
17. Мусаев К. М. Караимский язык / К. М. Мусаев // Лингвистический энциклопедический словарь. – 2-е изд., доп. – М. : Большая Российская энциклопедия, 2002. – С. 212.
18. Реби Д. Крымчакский язык / Д. Реби. – Симферополь : Доля, 2004. – 224 с.
19. Смолина М. Урумский язык. Урум дили (приазовский вариант) / М. Смолина. – К. : Бланк-Экспресс, 2008. – 168 с.

Лисецька І.А.

УДК 811.161.2.'373.7

СПЕЦИФІКА ЛЕКСИКОГРАФІЧНОГО ОПИСУ АРЕАЛЬНИХ ФРАЗЕОЛОГІЧНИХ ОДИНИЦЬ

Постановка проблеми. Концептуальні моменти у сфері лексикографічного опису фразеологізмів учені обговорювали не раз, основні «завдання теорії та практики фразеографії» загалом «не суперечать завданням лексикографії» [3, с.44]. **Актуальність** питання полягає в тому, що, як засвідчує історія лексикографії, на сьогодні не існує уніфікованих принципів опису діалектних ФО, в кожному словнику вони варіюються, «на вибір тлумачення впливає індивідуальна манера і навіть суб'єктивний підхід укладача словника» [3,с.47]. Незважаючи на це, в лексикографії виробилася певна система принципів опису ФО, яка використовується й у діалектних словниках.

Під час опису ФО, за словами О. Бабкіна, тлумачення «повинні бути точними, чіткими й лаконічними; їх потрібно формулювати, уникаючи надміру важких конструкцій та канцелярських мовних зворотів» [1,с.38].

На відміну від цього постулату, який навряд чи викличе заперечення вчених-лексикографів, теоретична регламентація стосовно підбору метамовних засобів інтерпретації ФО в словниках не завжди враховує специфіку опису фразеологізмів у власне ареальних словниках. Так, у наявності етимологічних даних при описі ФО О. Бабкін вбачає ваду лексикографа. Дослідник це пояснює так: «...як буквалістичний переклад іномовної ідіоматики, так і тлумачення ідіом своєї мови з креном в етимологію – це дві сторони однієї й тієї ж медалі, тобто факт негативний» [2,с.8]. Слідом за О. Бабкіним, В. Білоноженко й І. Гнатюк твердять: «Суттєвим для лексикографічної кодифікації ФО є фразеографічна вимога, яка полягає в усуненні з дефініцій непотрібних елементів етимологізації. У лексикологічній практиці досить часто трапляються випадки, коли у тлумаченнях наявний зайвий елемент етимологізму...» [3,с.50]. Однак, відчуваючи категоричність таких тверджень, дослідники принагідно додали, що укладачі «фразеологічних словників, використовуючи етимологічні дані для тлумачення значення ФО, підтверджують думку про те, що пояснення етимології ФО допомагає зрозуміти їх сучасне значення» [3,с.51]. Думається, не викличе заперечення той факт, що для опису ареальної ФО етимологічний фрагмент є не те що зайвим, а іноді навіть і вкрай корисним для глибинного пізнання сутності фразеологізму, а подекуди й сприяє формуванню чітко окресленого вектора тлумачення ФО.

З огляду на специфіку лінгвогеографічних положень на цьому рівні стикаємося з дилемою, природа якої лежить у площині властиве специфіки діалектних словників. Тут, насамперед, варто мати на увазі виключну вагу кожної ареальної РО, опис якої спрямований на створення якомога повнішого лексикографічного портрета. Ця особливість формується необхідністю фіксації діалектологічного матеріалу в усій можливій повноті, і етимологічні дані тут не є винятком, про що йшлося в науковій літературі неодноразово. Отже, вже цей момент увиразнює специфіку підходу до опису ареальних ФО, дозволяє говорити про своєрідність ареальних ФО, що відповідно породжує специфіку їх лексикографічного опису.

Важко не погодитися з ученими, які твердять: «Фразеографічні визначення відрізняються великою різноманітністю і будуються як з урахуванням способу тлумачення значення ФО, так і особливостей семантичної мови їх словникових дефініцій. Адже для одного і того ж значення фразеологізму можна застосовувати різні словникові тлумачення. Це пояснюється і дифузністю фразеологічного значення, і індивідуальним стилем лексикографа, і загальним типом словника, який передбачає ступінь складності метамови і допустимий обсяг словникової статті» [3,с.51]. Чи не найвиразніше цю особливість демонструє ареальне словникарство, де наявні різноманітні форми словникових статей та способи тлумачення діалектних ФО.

Про специфіку тлумачення ФО у фразеологічних словниках сказано чимало, вчені систематизували й характеризували основні принципи інтерпретацій фразеологізмів [Бабкин 1964; Білоноженко, Гнатюк 1989; Прадід 1997 та ін.], однак поза увагою дослідників і досі залишається теоретична розробка положень лексикографічного опису ареальних ФО. Специфіка цього фразеографічного масиву має низку особливостей, які найперше пов'язані зі специфікою діалектних словників, у рамки якого потрапляє відповідна ФО. Лексикографічний опис ФО у фразеологічному словнику відрізняється від опису ФО в